

Сергей САКАНСКИЙ

ОЗЕРО

Мини-роман

У источника
власти

Сергей Юрьевич Саканский

Озеро. У источника власти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3298335

Аннотация

Удивительной красоты озеро, затерянное в дремучем лесу, палатка, костер, романтическая ночь... На берегу двое – он и она, и кажется, что счастье в их собственных руках, но... Ужас, тысячелетия живущий в темных водах, неожиданно прорывается в наш мир, чтобы завладеть их душами и разрушить едва родившуюся любовь.

Содержание

ДЕРЕВНЯ ВЕЛИКАНОВ	5
ОЗЕРО ИЗ МОНИТОРА	17
СТРАННОЕ ЛИЦО	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Саканский

Озеро

У источника власти

Мини-роман

*А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию
и белымъ гоголемъ на воду.
Въврѣжесе на брѣзъ комонь
и скочи съ него бусымъ влѣкомъ.*

**СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ,
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА**
Древнерусский текст

На обложке: В.М. Васнецов. «Царь Иван Васильевич Грозный».

ДЕРЕВНЯ ВЕЛИКАНОВ

Арсеньев не сразу понял, что эта деревня выглядит как-то неправильно, а если бы понял, то взял бы свою девушку за руку и бросился бежать с ней – хоть до ближайшей станции, хоть домой, в Брянск, да хоть на край света – от всего этого ужаса, который им предстояло здесь пережить.

А пока настроение у них было самое радостное. Они вырвались из города, полные желания любить друг друга вдали от людской суеты, и бодро шли рядом, деловито подтягивая ремни своих рюкзаков и переглядываясь с хитрыми улыбками.

День был солнечный, деревня, куда они вошли по асфальтированной дороге со станции Лаховка, таяла в голубом мареве, уходя вдаль двумя линиями дворов. На въезде в деревню асфальт кончался, переходя в неширокую травянистую улицу. Ступив на упругую зелень, Арсеньев ощутил легкий удар, будто разорвал грудью невидимую паутину. Казалось, сам воздух в деревне был прохладнее, чем на раскаленной дороге...

– Что-то здесь не так, – сказала Юля, внезапно нахмурившись.

– О чем ты? – удивился Арсеньев, оглянувшись по сторонам.

– Типа... – Юля тоже осмотрелась. – Не нравится мне это

место.

У колодца она остановилась и сбросила свой рюкзак на траву. Арсеньев сделал то же самое.

– Вот, например, ведро...

– Ну, и что же с ведром?

Предмет, на который указала девушка, не вызывал у Арсеньева никаких подозрений.

– И лопата...

– А что с лопатой?

– Не бывает таких ведер и таких лопат, – твердо сказала Юля. – Какие-то они... Огромные!

Теперь Арсеньев и сам это заметил. Ведро выглядело действительно больше обыкновенного: бельевой бак, а не ведро. И лопата, стоявшая у колодезного сруба, была явно не заводского производства – пятимиллиметровая сталь, скрученная и свинченная болтами, а черенок лопаты... Да он был просто хорошей жердью в руку толщиной!

– Гм! – сказал Арсеньев. – Похоже на какую-то декорацию. Для великана.

– А тут и живут великаны. Вон, какие большие у них хазы. Двери большие и окна. И потолки внутри, я мыслю, высокие – метров пять.

– Ну, скажешь! Три с половиной где-то... Но и такое для обычной деревни странновато.

– Хорошо. Если бы, например, здесь были маленькие дома, и все было маленькое – ведра, лопаты... Тогда бы мы по-

думали, что в деревне живут карлики. И в этом не было бы ничего удивительного. И ничего страшного...

– И так нет ничего страшного, – резюмировал Арсеньев. – Наверное, здесь все жители – родственники, и у них такая порода. Все они высокого роста, крупные...

Но Арсеньеву вовсе не казалось убедительным собственное объяснение. Чего-чего, а встречаться с каким-то великаном в этой глуши он не собирался.

И тут они увидели его...

Человек вышел из дома, стоящего в отдалении на невысоком пригорке, тут же поставил на колоду березовую чурку и поднял с земли топор. Взмах, и чурка раскололась на две дольки. Человек поставил дольку на колоду и снова махнул топором. Обычно, буднично... Ничего особенного, казалось, не было в этом зрелище...

Юля схватила свой рюкзак, молча накинута на плечо.

– Идем отсюда!

Арсеньев накинул свой, пошел рядом с Юлей, которая быстро сорвалась с места.

– Да не бойся ты! – сказал он. – Просто большой человек и все.

– А я и не боюсь. К тому же, мы ведь не этой в гребаной деревне собрались жить...

В ее голосе прозвучала нежность. Слово *жить* неожиданно блеснуло своим вторым смыслом. И опять он увидел этот хитрый взгляд...

Арсеньев оглянулся через плечо на пригорок, где работал дровокол. Издали трудно было оценить его размеры, но, если соотнести все присутствующие предметы с домом, затем предположить, что дальний дом такой же большой, что и ближние... Получалось, будто и топор, и колода, и сами дрова были, по меньшей мере, в полтора раза больше нормально-го. Казалось, что этот человек метра три ростом! И лицо у него какое-то странное – слишком белое, что ли...

Но к чему думать об этом? Чушь какая-то: в деревне живет клан великанов. Почему-то никакой информации об этом нигде не было, хотя, падкие на такие диковинки журналисты вряд ли прошли бы мимо подобного феномена.

– И по телеку о них ничего, – Юля будто услышала мысли Арсеньева, что его так порадовало...

Прекрасная девушка! Немного своенравная, не очень образованная, но... В конце концов, он ведь не всю жизнь собрался с нею провести!

– А ну их в... – выругалась она, что иногда ей очень даже шло.

– Точно! Ну их еще и на... – подыграл Арсеньев.

– А если, например, – озабоченно проговорила Юля, – все совсем наоборот? Не они выросли, а мы почему-то уменьшились?

– Ага! – рассмеялся Арсеньев. – И вся наша одежда уменьшилась. И рюкзаки, и палатка. Просто мы прошли сквозь какую-то аномальную зону. И вот эти сигареты...

Он достал пачку «Мальборо», прикурил на ходу две штуки, одну протянул Юле. Та приняла изящную отраву с легким поклоном.

Наконец, они вышли из деревни и оказались на лесной опушке. Здесь царил зной, жужжанье, стрекот...

– И куда дальше? – спросила Юля.

– В лес, – лаконично ответил Арсеньев.

Ее родители наивно полагали, что она будет жить на турбазе, питаться в столовой, один раз предпримет короткий поход с однокурсницами и так далее. Пусть это и было в какой-то степени опасно, например, гипотетическая столовая, но они отпустили Юлю без особых возражений.

Если бы они узнали, что их дочь собирается провести пять дней в одном из самых медвежьих углов России, варить еду на костре и примусе, то сочли бы план просто неприемлемым – ни о какой поездке и заикаться не стоило.

Но реальность оказалась настолько страшной, что маму и папу уж точно бы хватил кондратий, – только от самой мысли, что их семнадцатилетняя дочь собиралась прожить все эти дни и ночи в одной палатке с человеком, возраст которого приходился как раз на промежуток между ее матерью и отцом.

* * *

Арсеньева звали просто – Иван Васильевич. Вряд ли его

покойные родители имели намерение прославить знаменитого Рюриковича, но сам Арсеньев порой глубоко задумывался о судьбе первого русского царя.

А вот фамилия Юли была Каменская, а это ужасно!

Ивана Арсеньева и Юлю Каменскую связывали отношения учителя и ученика. Иван Васильевич (в просторечии – Иванвас) служил преподавателем словесности в одном из медицинских училищ города Брянска, а Юля в этом училище, можно сказать, «училась».

Честно говоря, она туда просто ходила и валяла там дурочку, чтобы в конце этого процесса получить корочку.

И вот однажды утром она заметила, что все медулище на нее как-то странно смотрит. Юля шла через вестибюль, а девчонки поворачивали за ней головы, будто она была каким-то магнитом любопытства.

На лестнице продолжалось то же самое. Юля забежала в туалет второго этажа и с удивлением изогнулась перед зеркалом, словно исполняя какой-то танец. Она подняла руки и заглянула себе под мышки, перекинула тяжелую косу с левой груди на правую, рассматривая шею, повернулась на мысках, изучая ноги со всех сторон. Ростом Юля была гораздо выше этого жалкого зеркала, поэтому ей пришлось и вприсядку пойти...

Никаких засосов на шее не было. Впрочем, их и не могло быть. С одеждой также все тип-топ: из-под короткой юбки ничего не торчит, белые гетры настолько чисты, что кажется,

будто они сотканы из стирального порошка, который белее самого белого...

Хороша, спортивна, быстра! Неужели и сегодня он (Иван-вас) не удостоит ее ни единым взглядом?

В коридоре к Юле подошел Петя Романов и, ткнув огромным пальцем ей в грудь, строго сказал:

– Каменская!

– Ну и что?

– Как что? – удивился Петя. – *Каменская* же!

Этот Петя хотел стать великим хирургом, резать и сшивать, ковырять и давить. Пока же он выполнял в училище одну важную, тайную и довольно скользкую миссию...

А на уроке продолжился этот странный кошмар внимания: все шушукались, постоянно поглядывая на нее. Урок вел, между прочим, сам Иванвас. На сей раз, он нес будущим медсестрам «Слово о полку Игореве», раскидывал руки в стороны, словно огородное пугало, помахивал ладонями, изображая плавное течение древнерусского языка.

И совершенно не обращал внимания на Юлю Каменскую.

– Если вы будете читать правильно, то получатся настоящие стихи. Дело в том, то в те далекие времена мягкий знак произносился примерно как «е», а твердый – как «о». Вот послушайте: «А Игоре князе поскочи горнастаемо ко тростию...»

В конце концов, Юле пришла записка:

«*Браво, Каменская!!!*»

Да что она такого сделала сегодня?

Оказалось, что она все сделала вчера. Потому что по телеку пошел какой-то дурацкий сериал, где главной героиней была именно Каменская, суровая, роковая женщина-вамп.

И началась для Юли новая жизнь. Каждый вечер Каменская совершала в прямом эфире очередной постельный подвиг, а утром в училище за нее расплачивалась Юля.

Каменская была любовницей какого-то вельможи, но крутила роман с самим императором. Днем она гарцевала на лошади, а ночью, в будуаре и пеньюаре, могла взнудать то вельможу, то императора, то кого-то еще. Плюс за ней охотились секретные службы, да и сама она, похоже, была каким-то тайным агентом, постоянно спасающим мир, хотя речь шла о веке восемнадцатом, и мир, как всем известно, был давно спасен.

Юле уже совершенно не хотелось валять дурочку за корочку. Каждый день превратился для нее в ад.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не Иван Васильевич Арсеньев. По училищу пошли слухи, что между преподавателем и студенткой разразился бурный роман. И теперь уже никому не было интересно, что там, в образе Юли, творит Каменская с императором. Куда более важным для команды медиков стало то, что сама Юля творит с Иван Василичем.

Так могучая фрейлина канула в вечность... Если бы знала Юля тогда, весной, при каких странных обстоятельствах она

снова увидит ее!

А вот с Иваном Василичем Арсеньевым Юля ничего не творила. Причиной всех этих сплетен был случай, когда в аудитории сломалась железная дверь, они с Иваном оказались запертыми, их выковыривали с привлечением МЧС... А потом в этой аудитории нашли какую-то окровавленную тряпочку. Только и всего. Тряпочка могла остаться от очередной операции будущего хирурга Пети Романова, который пока практиковал с детородными органами сестер милосердия. Или у какой-нибудь девчонки пошла носом кровь от передозняка...

И вот теперь, на летних каникулах, благодаря цепочке неожиданных и диких происшествий, они оказались здесь, чтобы поставить палатку на берегу озера и заняться в ней любовью. Все это как-то не укладывалось в Юлиной голове...

* * *

Арсеньеву казалось, что он просто спит: девушка, о которой он думал целый год и думать себе запрещал, девушка, на которую было больно смотреть (он и не смотрел поэтому), теперь идет, покачивая бедрами, рядом с ним в лесной глуши, а за плечами у него была палатка, и карманы были набиты презервативами...

Нет, он не был в нее влюблен – конечно! Любовь, которую ему предсказала одна знакомая фея, представлялась ему со-

вершенно другой. Более того: требования Арсеньева к этой эфемерной возлюбленной были настолько высоки, что он так до сих пор и не нашел ее. Правда, женщин у него было порядочно, и семнадцатилетние тоже встречались, хоть и давно: когда самому Арсеньеву было восемнадцать-двадцать... Важнейшие условия этой любви – тончайшее понимание его, Арсеньева, внутреннего мира, а также – пусть это и несколько странно звучит – глубокое знание древнерусской поэзии. Кроме того, она должна была быть ослепительно красивой...

Юля Каменская отвечала только последнему требованию. По литературе у нее была тройка, да и то – не очень уж твердая, а что касается понимания, то здесь Арсеньев пытался, используя всю свою наблюдательность, уловить хотя бы мельчайшие искорки. Иногда ему это удавалось, за последние сутки – уже несколько раз. Или он просто обманывал себя, и понимание между поколениями в современном мире – вообще идея-фикс? Одно Арсеньев знал наверняка: он безумно хотел Юлю, думал о ней уже целый год и страдал от невозможности осуществить свои мечтания. Каково же было его изумление, когда – по стечению нелепых случайностей и чудесных совпадений – в их отношениях произошел самый крутой поворот!

Арсеньев встретил Юлю на улице. Все, что они должны были сделать, внезапно увидев друг друга на углу Мичуринского проспекта и Заречной – это скромно поздороваться, как подобает учителю с ученицей, и спокойно разойтись по

своим делам. Арсеньев так бы и остался в смутных страданиях по недоступной красавице, через год она бы окончила училище и исчезла из его жизни навсегда. Если бы не...

Ливень. Он внезапно ударился об асфальт, покрыв весь мир крупными пузырями. И сверкала молния, и гремел гром... Город стал диким и черным, будто дремучий лес. Им ничего не оставалось делать, как укрыться в ближайшем магазине.

Будь это какой-нибудь продуктовый магазин, ничего бы не произошло: они бы просто переждали ливень и все. Но, выжимая в вестибюле волосы (а вода текла с них на пол в два широких ручья), Юля глянула из-под локтя на витрины и раскрыла рот от удивления.

Здесь продавалось снаряжение для туризма, а ей вскоре как раз и предстоял турпоход... И Юля предалась воображаемому шопингу. Арсеньев ходил за ней по пятам и молча смотрел, как длинные смуглые руки девушки вытягивают из пачек рукава разноцветных ветровок, как ее музыкальные пальцы разминают ткань...

Арсеньеву казалось, что она и вовсе забыла о его существовании, но вскоре выяснилось, что это далеко не так. Они оказались перед плакатом, где упругие туристы-экстремалы рубили и кашеварили на берегу живописного лесного озера.

– Все бы отдал, чтобы пожить в каком-нибудь таком месте... – вздохнул Арсеньев в пространство.

Юля быстро обернулась к нему, ее глаза сверкнули.

– И я тоже! – с жаром воскликнула она.

– Поехали, нет проблем, – в шутку предложил Арсеньев, и в то же время сердце его отчаянно забилося, потому что Юля вдруг посерьезнела и сказала:

– Поехали.

Арсеньев опешил. Она стояла перед ним – медноволосая, мокрая, с крупными сосками, натягивающими ткань, и прямо смотрела ему в глаза.

– Шутишь, Каменская?

– Не называйте меня так! – сказал Юля и тихо, твердо добавила:

– Я люблю вас.

ОЗЕРО ИЗ МОНИТОРА

Все это было не далее, как вчера. С тех пор в голове Арсеньева началось плавное монотонное кружение, будто бы там заработала карусель.

На углу Мичуринского и Заречной он оказался по той причине, что получил гонорар за статью, пересланный Western Union, чей офис как раз находился в том самом районе. Статья была о... Впрочем, не важно. Они ходили по залам магазина и выбирали все, что им могло понадобиться в путешествии. Юле это занятие безумно нравилось: менеджер следовал за ними по пятам со счастливой улыбкой на лице, а девушка тыкала пальцем в это и то, спрашивая, для чего оно служит и как с ним обращаться.

Палатка? О, да! Двухместная, легкая. Спальные мешки? Замечательно! Вы можете купить и один, двухместный... Юля покраснела. Нет, лучше два.

Они купили рюкзаки – большой и маленький, две куртки, котелок, ложки, кружки, миски...

– Вы собираетесь на озеро? Тогда вам нужна лодка. Только она тяжелая. Вы на машине?

– Мы на машине? – обернулась Юля к Арсеньеву.

Теперь пришел черед покраснеть ему: машины у него не было.

– Ну и ладно, – сказал Юля. – Тогда обойдемся без лодки.

В какой-то момент Арсеньев замер, пораженный простой мыслью, спросил:

– А как же ты это объяснишь родителям?

– Элементарно, Ватсон, – отмахнулась Юля, не прекращая играть с замысловатым разноцветным фонарем, который всучил ей менеджер. – Завтра я еду на турбазу с девчонками.

– Ах вот как... Зачем же тогда это все?

– Да как вы не понимаете! – Юля топнула ногой. – Все думают, что я еду на турбазу, а я...

– Нехорошо обманывать, – сказал Арсеньев, назидательно подняв палец, и вдруг расхохотался: пожалуй, только в этот момент до него по-настоящему дошло, что он и вправду отправляется на берег лесного озера с девушкой своей мечты.

Дело оставалось только за малым: не хватало озера. И Арсеньев понятия не имел, где его взять. Тем же вечером он сидел у себя дома, глядя на два плотно уложенных рюкзака, большой и маленький, и думал об озере.

Никакого уединенного лесного озера, подобного тому, что было изображено на плакате с туристами-экстремалами, Арсеньев не знал. Он знал озеро Байкал, где дует баргузин, и Чудское озеро, где состоялось Ледовое побоище. С таким же успехом можно было вспомнить озеро Чад, где бродит изысканный жираф...

Денег у Арсеньева почти не осталось: выбирая снаряжение, Юля освоила практически весь гонорар за статью в

немецком журнале, о метафорических превращениях русских князей из рода Рюриковичей, а поскольку он жил, как все нормальные люди в городе, от зарплаты до зарплаты...

В общем, надо было срочно найти какое-то озеро в пределах досягаемости местной электрички.

Звонить кому-то из сослуживцев не стоило: начнутся расспросы... Да и все его знакомые, так или иначе, были связаны с медицинским училищем – ведь Арсеньева направили сюда по распределению, и все эти семнадцать лет он вращался, в основном, в педагогических кругах.

Семнадцать лет! Выходит, что в те самые времена, когда он, молодой специалист, только что приступил к освоению премудростей как учительского дела, так и слабой половины населения Брянска, – в Бежицком роддоме появился на свет красный орущий ребенок, и этим ребенком была не кто иная, как Каменская Юлия. Арсеньев тогда жил как раз на Бежице, каждый день ходил по ее улицам, а навстречу ему могла попасться молодая женщина, толкающая перед собой детскую коляску, и в розовой этой коляске лежала Юля... Немыслимо!

Карта области, которую Арсеньев купил в киоске, была слишком мелкомасштабной, чтобы показать какие-то там уединенные озера. Оставалось одно: прибегнуть к услугам всемирной паутины.

Арсеньев был продвинутым пользователем Интернета. Правда, продвинутому пользователю пришлось выкурить

две сигареты, пока связь, наконец, установилась. Арсеньев набрал в окошке поисковика «озеро – лесное – туризм – отдых» и получил множество ссылок, в том числе на Байкал и Селигер. Он сузил критерии поиска, набрав «брянская область», и вышиб у Паука несколько турбаз и пансионатов, среди них – ту самую, куда должна была фиктивно отправиться Юля.

Неожиданно вспыхнула страница, где упоминалось озеро в Брянской области, и было сказано, как до него добраться. Сообщение возникло в окошке чата: кто-то спросил, как ему доехать, если он опоздает в экспедицию, и получил немедленный ответ. Арсеньев успел запомнить станцию Лаховка и направление пути, пока слова не уползи за нижний обрез окна.

Что ж, подумал он, заметим на случай, если ничего другого не найдется...

Ничего другого и не нашлось, потому что внезапно Арсеньев увлекся странной игрой, которую предложила ему Сеть.

Дело в том, что страница, им открытая, была если не секретной, то, во всяком случае, для служебного пользования. Она явно не предлагалась широкому читателю, а имела своей целью информировать ограниченную группу людей об условиях некой научной экспедиции.

Несколько человек, сидевших в чате, обсуждали детали предстоящей поездки, стационарно висел список необходимого снаряжения для зарегистрированных участников, а

внизу болталась форма, заполнив которую, каждый желающий мог стать соискателем должности экспедиционного рабочего.

Шутки ради Арсеньев набил в предложенные графы свои данные, проставил нужные флажки, и получил отказ. Это его задело. Тогда Арсеньев несколько улучшил свои физические характеристики: увеличил рост, уменьшил возраст... И все равно получил отказ – от программы-робота, которая стояла за этой анкетой и определяла кандидатуру по каким-то своим загадочным критериям.

Арсеньев сгенерировал супермена: уж лучших характеристик для рабочего дремучей лесной экспедиции трудно было вообразить. Мифический молодой человек имел все возможные спортивные звания, экстремальные рекорды, большой опыт работы... И получил отказ.

– Да этот робот просто сломан! – в сердцах воскликнул Арсеньев и стал тыкать мышью, куда попало, наобум выбирая позиции списков и флажки.

И неожиданно его приняли. Программа выбросила форму следующей ступени, где уже надо было указать ФИО и адрес.

Этого Арсеньев делать не собирался. Он с удивлением смотрел в монитор и не мог понять, по каким принципам комплектуется экспедиция.

Может быть, дело вовсе не в тех положительных качествах, которые он не догадался указать, а в тех отрицательных, которые он уже указал?

Он проверил все с самого начала, и уже было нащупал мысль, как вдруг оказалось, что страница больше не загружается. Это могло значить многое. Например, обычные неполадки связи. Или другое: именно в ту самую секунду кто-то умышленно стер страницу. То есть – экспедиция уже укомплектована, все вопросы решены, и дальнейшая дискуссия бессмысленна.

И тут Арсеньев понял, в чем было дело, и почему робот так упорно отфутболивал его.

В графе «иностранные языки» Арсеньев честно указал немецкий. И только эта графа все время оставалась неизменной, пока он тут создавал суперменов.

Странная же это экспедиция! Важнейшим критерием участия в ней является – *незнание немецкого языка*.

* * *

Впрочем, Арсеньев вскоре забыл об этой нелепости. В течение последних суток он был настолько рассеян, что на многие вещи просто не обращал внимания, потому что его мысли были всецело поглощены Юлей. Всю дорогу он постоянно посматривал на нее, как бы опасаясь, что девушка внезапно исчезнет.

С Арсеньевым творилось что-то такое, чего он никогда в жизни не испытывал. Или, может быть, испытывал в юности, когда провожал девушку с дискотеки и в первый раз в жизни целовался, и девушка вдруг, почему-то покраснев, пригласила его к себе в общагу, выпить чашку чая. И они пошли по

лестнице, вертикально преодолевая пятиэтажное здание во всю его высоту, и Арсеньев обалдело смотрел снизу вверх, как ступает эта, теперь уже безымянная девушка, по лестнице, как она выглядывает из-под локтя на поворотах – с таким странным, никогда раньше невиданным выражением лица...

А теперь такое лицо было у Юли – Арсеньев понял и вспомнил: немного сонное, немного хитрое – и вся дорога из Брянска казалось Арсеньеву той самой хрущобной лестницей. Вот почему и странная деревня великанов, и многие события – как предыдущие, так и последующие – воспринимались им, будто в каком-то фоновом режиме, в котором продолжалось карусельное кружение его головы.

Они шли по лесной тропинке быстро, Арсеньев едва поспевал за длинноногой Юлей, опасаясь, что она услышит его одышку, и дело было вовсе не в возрасте, а в животе, который выступал в качестве дополнительного переднего рюкзака. Если бы не этот живот, не дурная привычка пить по вечерам пиво – у телевизора или компьютера – в одинокой холостяцкой «однушке»... Впрочем, хотелось думать, что задыхался он не столько от тяжелой ноши и быстрой ходьбы, сколько от распиравших его чувств.

Временами становилось совершенно не о чем говорить, и молчание тяготило его.

– Лес где-то горит, торфяник, – деловито заметил Арсеньев, поведя носом, однако никакой гари не почувствовал.

– По барабану! – ответила Юля.

– Я к тому, что немного дымно, и поэтому видны все эти красивые лучи. И это не может быть туман, потому что туманы в июне маловероятны.

– Да? Это у нас урок естествознания?

– Ну... Просто: красивые лучи.

– Вижу, – сказала Юля.

Наверное, в ее представлении настоящий мужчина не должен тратить силы на то, чтобы любоваться природой. Что ж, запомним...

Лес был пронизан косыми дымными аппаратами солнечного света, с которых скатывались крупные сверкающие жуки. И вдруг вдали появился проблеск: острый, узкий, словно игла, – появился и сразу исчез за стволами деревьев. Как будто один из этих солнечных жуков запалил вдали столбик огня... Вот и другой столбик вспыхнул и погас, но тут же возник третий, четвертый, и уже целая вереница гейзеров забила из-под земли – так за стволами сосен возникло озеро.

Юля пошла быстрее, потом побежала – вниз, пологим склоном, к озеру... Через несколько минут деревья расступились, открыв широкий простор, полный воздуха и света.

Солнце уже стояло низко, слепило: ведь они добирались сюда весь день. Лучи умножались на глади озера, играя тысячами радужных бликов. Дальний берег таял в голубом мареве и едва различался, будто его и вовсе не было. Впрочем, и ближнего берега – тоже не было. Юля вопросительно посмотрела на Арсеньева:

– Это и есть ваше озеро?

Арсеньев пожал плечами:

– Честно говоря, я не знал, что оно...

– И где ж я буду купаться?

– Наверное, тут есть какие-нибудь мостки...

Дело в том, что берег, на котором они стояли, был берегом болота, а озеро поблескивало вдали, в самой середине трясины, будто бы кто-то огромный сыпал золотые монеты из ладони в ладонь. Возможно, это и было озером – всего лишь каких-нибудь несколько столетий назад...

Арсеньев огляделся. Озеро было не очень большим. Само водное пространство, еще не затянутое болотом – правильный круг метров триста диаметром. Болотистое кольцо шириной метров сто. Наверняка здесь есть какой-то подход к воде – ведь должны же купаться и ловить рыбу жители деревни...

– А вон и мостки! – воскликнул, обрадовавшись, Арсеньев, выкинув вперед ладонь, словно памятник Ленину...

– Да уж, – буркнула Юля, – пока туда дойдешь, ноги переломаешь. Не нравится мне все это. Может, мы просто домой вернемся, а?

Такого поворота Арсеньев не ожидал. Будто бы сказочная жар-птица, которую он поймал и которая уже грела ему руки, вдруг выпорхнула, махнув золотым крылом... Как во сне: просыпаешься, шаршишь по одеялу, и нет в карманах никаких золотых монет. Да и карманов нет – только одеяло одно.

– Впрочем, я просто стебусь, – сказала Юля. – Мы ведь ни купаться сюда приехали, правда?

Длинными пальцами она поправила прядь волос и посмотрела на Арсеньева так выразительно, что он прочитал ее взгляд, как призыв к немедленному действию. А ведь я даже еще ни разу не поцеловал ее! – подумал он, сделал шаг и обнял девушку, краем сознания отметив, что это должно быть довольно-таки смешно: за плечами у обоих были тяжелые рюкзаки. Плюс, еще и живот мешается...

Арсеньев потянулся губами к ее лицу, но Юля вдруг отвернулась.

– Мы тут не одни! – тихо проговорила она.

Отпрянув, Арсеньев посмотрел в сторону озера. По бревенчатой гати, проложенной через топь, к ним шел человек.

Он ступал уверенно, вскидывая руки и балансируя, словно профессиональный канатоходец. На нем был серый ватник и резиновые сапоги. То, чем он занимался на озере, не вызывало сомнений: в одной балансирующей руке у него была зачехленная удочка, в другой – блестела на солнце связка рыбы.

По мере того, как рыбак приближался, Арсеньеву все больше становилось не по себе. Внезапно Юля схватила его за рукав и прижалась к нему. Арсеньев услышал, как бьется ее сердце, как часто она дышит... Они оба стояли, вытаращив глаза от изумления. Потому что никогда прежде, ни у одного из людей – не видели подобного лица.

СТРАННОЕ ЛИЦО

Юля чувствовала тепло и тело мужчины. Это успокаивало. Человек, идущий по мосткам, очень ей не нравился. Вряд ли она могла бы сформулировать, что именно казалось странным в его лице. И даже не странным, а страшным...

Черты лица были не совсем на месте. Слишком широко расставлены глаза. И форма самих глаз необычна: слишком большие, слишком круглые... Лоб нависал – выпуклый, огромный и какой-то раздвоенный. На лбу явно выделялись две крупные шишки, торчащие в стороны над глазами. И подбородок сливался с шеей.

– Да это же просто даун! – поняла Юля. – Это даун и больше никто...

Однако, даун, приблизившись, заговорил с ними вполне разумно, хоть и с явным сермяжным присвистом:

– Ну, что, болезные мои? Никак на рыбалку? Рыбка в наших местах знатная...

– Сам ты болезный, – сказала Юля.

– Не груби, девушка. Я ить и обидеться могу.

Арсеньев внимательно посмотрел на рыбака.

– И что? – спросил он неприятным голосом. – Что произойдет, если вы, сударь, обидитесь?

Он сбросил рюкзак. Незнакомец насмешливо посмотрел на него и сказал:

– Да ладно вам. Я пошутил просто. Язык, соответственно, выбрал, как и надо говорить простому сельскому старику с городскими гостями. Типа того: болезные... Такими оборотами вся советская литература полна. «Поднятую целину» читали?

– Я вообще не читаю книг, – ответила Юля, потому что большое белое лицо обратилось непосредственно к ней.

– С гордостью заявила она, – прокомментировал рыбак.

Арсеньев хотел было снова возразить, но подумал, что и сам мог произнести те же слова, потому что девушка его мечты была более телесным, нежели духовным явлением. Девушку мечты надо было еще очень и очень развивать...

– Шел бы ты своей дорогой, отец, – с грустью произнес Арсеньев, прикидывая, будет ли он сейчас драться или нет.

Возможный соперник был довольно пожилой, но еще крепкий, да и весил не меньше центнера, и все мышцами – против восьмидесяти Арсеньева, каковые, к тому же, прирастали больше жирком.

Последний раз он дрался лет двадцать назад. Драться он не любил и боялся. Но Арсеньева не волновало, победит он в этом поединке или нет. Главное, было только броситься на врага, чтобы не оплошать перед девушкой, а уж потом... На случай походных травм у Юли была полная аптечка, правда, вряд ли она свою специальность знает лучше, чем словесность, но, только представив себе, как ее золотые руки накладывают на его лоб воображаемую повязку, Арсеньев

безоговорочно согласился с мыслью, что через минуту будет избит. Золотые, в смысле загара, конечно...

К счастью, эта минута так и не наступила, потому что произошло то, чего Арсеньев никак не мог ожидать от такого сильного соперника: тот спасовал.

– Да ладно вам, – примирительно сказал он. – Не надо обижать старого, больного, маленького человека. Я, если что, тут рядом, в деревне живу. Дом номер пять у меня, а улица у нас одна. Если помощь какая понадобится, рыбные, грибные места показать... И про озеро наше могу много интересного сообщить.

Юля с сомнением посмотрела вдаль.

– Да чего уж тут может быть интересного, дидку?

От Юлиного внимания, конечно, не ускользнуло мелькнувшее между мужчинами напряжение: все-таки, она родилась и выросла на Бежице, где драка была самым обычным делом. Теперь, увидев, что Иванвас вроде как выиграл словесное препирательство, она смотрела на незнакомца свысока.

– Позвольте представиться, – сказал тот с некоторым опозданием. – Меня зовут Петр Миронович. Можно просто Мироныч.

– Иван Васильевич, – нехотя протянул руку Арсеньев, не собираясь сообщать Миронычу, что его можно звать просто Иванвасом.

Рукопожатие крепкое, рука твердая. Житель деревни был

крупным, широким, где-то за метр девяносто ростом. Но все-таки не трехметровый, каким показался тот сомнительный древокол. Может быть, и правда, они тут все родственники, и все такие крупные, – подумал Арсеньев, и ничего необъяснимого в этой деревне нет. А лицо у него такое, потому что он – генетический урод или что-то в этом роде...

На вопросительный взгляд Мироныча Юля не ответила. Ей вовсе не хотелось знакомиться с ним.

Тут только Арсеньев заметил, что реакция у Мироныча была какая-то замедленная, но выглядело это нормально, словно такой большой человек и должен все делать медленно, степенно и по-большому.

– Так вот, – продолжал Мироныч. – О нашем озере в народе ходят разные легенды. Например, говорят, что когда-то, еще в самую первую войну, с Наполеоном, французы, отступая, утопили здесь карету, полную золота. А в последнюю войну здесь что-то немцы искали, это я сам помню, хоть и очень тогда маленьким был. Наверное, как раз ту самую карету и искали. Только никто ее не найдет никогда.

– Вы так в этом уверены? – спросил Арсеньев, вспомнив сайт экспедиции, на которой он сегодня ночью напоролся в Сети.

– Точно. Карета ведь на дне лежит.

– Ну и что?

– А то, что у нашего озера вообще нет дна.

Арсеньев улыбнулся:

– Это известная вещь. Про ледниковые озера, если они достаточно глубоки, много таких историй рассказывают. Еще про двойное дно. И церковь...

– Есть церковь! – воскликнул Мироныч. – Вот те крест, я сам видел. В детстве плавал и нырял хорошо. И вот, однажды, нырнул глубоко, а вода как раз была прозрачная, весенняя... И вижу далеко, в самой глубине – золотой крест!

Юля подмигнула Арсеньеву.

– Красивый, видать, крест! – ехидно заметила она. – Только как-то оно чуток не сходится. Если там церковь, то она должна на дне стоять. А у вашего озера, как вы давеча сказали, как раз дна-то и нет.

– Это просто две разные легенды, – нашелся Мироныч.

Разговор вдруг показался исчерпанным. Юля зевнула, взяла Арсеньева за лямку рюкзака.

– А теперича мы пойдем! – сказала она, но Мироныч, похоже, не уловил давно звучащей в Юлиной речи деревенщины.

– Знаете, Иван Василич, на что похожа его голова? – спросила Юля, когда они порядком отошли от Мироныча, ковыляющего теперь по кочкам в сторону своей деревни.

– На грушу?

– На жопу. Такая большая, белая, – взмахами ладоней Юля показала шишки по сторонам своего лба. – Такая огромная безмозглая жопа с глазами. И все качает головой вправо-влево, и шишки его качаются, туда-сюда, – Юля все

это иллюстрировала на примере собственной головы, энергично вокруг нее жестикулируя, по своей обычной привычке все вокруг превращать в театр.

– Юля, я хочу попросить тебя... – начал Арсеньев, но запнулся.

– О чем? – не выдержала Юля. – Поприличнее выражаться, что ли?

– Да нет! – махнул рукой Арсеньев. – Я давно хочу тебя попросить, чтобы ты называла меня на «ты». И не по отчету.

Юля прыснула со смеху, ударив себя пальцами по губам.

– А как же мне вас называть? Ваней, что ли?

– Ну... Если хочешь, можешь звать, как все – Иванвасом.

Юля опять рассмеялась:

– А что? Иванвас! Наверное, это здорово... – она вдруг сделалась серьезной, лоб наморщился от какой-то трудной мысли.

– А вы не заметили одну странную вещь? Ну, хорошо, Иванвас! Ты не заметил, еще там, в деревне... Мне показалось, будто, как только мы вошли...

Арсеньев вдруг напрягся. Да! И он тоже кое-что заметил, если она имеет ввиду именно это.

– Какая-то преграда, будто мы прорвали пузырь...

– Сразу, как только кончился асфальт! – воскликнул Арсеньев.

– Да. Я потому и пошутила, что мы стали маленькими.

Как будто воздух в этой деревне другой.

Тогда он подумал, что это ему просто померещилось – от жары и общего сумбура в голове, – но, оказывается, и она это заметила. И теперь, после Юлиных слов, он точно вспомнил: они будто прорвали какую-то невидимую преграду, паутину. Впрочем, большее впечатление на Арсеньева произвело то, с какой легкостью его девушка перешла на «ты».

Он пожал плечами, покосился на Юлю, безмятежно шагавшую рядом. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас как-то напугать девушку.

– Знаешь, – сказал он, – это такие холодные течения воздуха, бывает так на природе...

– Бред! – оборвала Юля. – Это просто аномальная зона. И мы сейчас по ней топаем. Скажешь, не существует аномальных зон?

– Не скажу, – осторожно ответил Арсеньев. – Об аномальных зонах пишут, значит – они есть. Ну, будем вести себя осторожнее, под ноги смотреть...

Юля споткнулась о корень и ухватила Арсеньева за локоть. Ему не хотелось думать обо всем этом. Не хватало еще, чтобы им помешали какие-то аномалии! Всю жизнь мечтаешь увидеть летающую тарелку, встретить снежного человека... Но только не в тот ответственный момент, когда выберешься на природу с девушкой.

И тут он понял, что его больше всего тревожило, когда они разговаривали с Миронычем. Не его большой рост, не

пишки у него на лбу. А рыба, которую он поймал в этом озере.

Странная это была рыба. Арсеньев никогда не увлекался рыбалкой, но сейчас был уверен, что такой рыбы просто не может быть.

– А куда это мы с тобой все так бодро пилим? – остановившись, спросила Юля.

* * *

Арсеньев как раз и собирался отойти от мостков на какое-то оптимальное расстояние, чтобы и к воде ходить было недалеко, и тропинка, по которой курсирует Мироныч, осталась где-нибудь в стороне.

В принципе, можно было пройти еще шагов пятьдесят вдоль берега и уже потом искать удобное место для стоянки, но вдруг они оба – одновременно – увидели это золото, услышали это серебро...

Они стояли прямо на берегу лесного ручья, который змеился в густой траве, остро поблескивая меж сочных стеблей, а чуть дальше изгибался, разливаясь по каменистой россыпи, и уже потом исчезал в высоких озерных камышах...

– Здесь, и только здесь! – с восхищением вскрикнула Юля.

Арсеньев осмотрелся. У излучины ручья поднимался невысокий холм, не выше человеческого роста, заканчиваясь ровной площадкой, с трех сторон защищенной кустами,

а сверху – осененный вычурным шатром плакучей березы. Здесь были следы старого кострища, лежало бревно, валялось несколько мусорных фрагментов, которые нетрудно было зарыть. Лучшего места для палатки и представить трудно!

Арсеньев поймал себя на том, что плотоядно смотрит на это пока еще даже и не примятое место как на плацдарм своих будущих страстей, а когда Юля, обнимая охапку елового лапника, нетерпеливо топнула по этому месту ногой, он понял, что и в ее золотой головке кружатся те же самые мысли...

– Здесь или чуть ближе к ручейку? – спросила она, и Арсеньев увидел, как краска залила ее щеки.

Странное дело, подумал он, – краснеет, как девочка... Впрочем, а что если?.. Нет, не может такого быть. Современная молодежь, как известно, начинает всю эту жизнь лет в тринадцать...

А потом она ползала на коленях, укладывая и переплетая еловые лапы, и в какой-то момент ее перевернутая голова хитро выглянула из-за джинсовой ягодицы и загадочно улыбнулась ему.

Арсеньев едва подавил в себе желание немедленно наброситься на девушку, распластать ее на этих смолистых колючках... Позже ему пришлось неоднократно пожалеть о том, что он не сделал этого в тот момент, когда все было еще так ясно, и желаемое полностью сливалось с действительным...

Часа два они весело мельтешили друг у друга перед глаза-

ми, сталкиваясь и бестолково суетясь. Наконец, *лагерь*, как его назвала Юля, был полностью готов: горел костер, в котелке шипела, закипая, вода...

Ни он, ни она никогда прежде не занимались подобными вещами, и все было им в диковинку. Оказывается, в палатке не оттого светло, что в ткани есть крошечное марлевое окошко, а по причине прозрачности самой ткани, и листья плакучей березы, волнуясь в солнечных лучах, печатают на стенах и потолке причудливый двухмерный мир... И спальные мешки, как выяснилось, застегиваются изнутри, и Юля, запаковавшись в мешок, чтобы испытать его, показалась Арсеньеву неожиданно маленькой, хотя ростом она была не ниже метра семидесяти пяти.

Юля раскрыла свой поляроид и устроила на сучке березы. Отбежала, приникла к Арсеньеву, фотоаппарат вспыхнул... Рассматривая снимок, довольно удачный, она вдруг наморщила лоб.

– Интересно, а маме с папой я что – это вот и покажу? Как, вообще, быть с фотками из турпохода...

Арсеньев пожал плечами: он уже чувствовал постоянное, ни на минуту не отпускающее замирание в груди: вечерело, солнце уж скрылось за кромкой леса на противоположном берегу. Время ползло медленно, но все же – ползло. К неминуемой ночи.

– Ой, комар! – вдруг взвизгнула Юля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.